



HORTON

НИКИ ДЖИОКАТОРЕ

Ники Джиокатоке Нортон

<https://litres.ru/74624682>

Аннотация

Мир Томми Нортонa тесен, как протертые до дыр карманы его огромного пиджака. В этом мире есть только пыль, грязь, вечный голод и одиночество, которое он прячет за своей дурацкой улыбкой. Он не ждет от жизни чудес — чудеса случаются с другими, с сытыми, с теми, у кого есть дом.

Но однажды появляется Лизи. Девочка с заплаканными глазами, которая просит его о невозможном: найти фею, чтобы та исполнила её желание. И Томми, сам не зная почему, соглашается.

Так начинается его большое путешествие

△ #Дорогие читатели, главы будут выходить раз в три дня.

Содержание

Глава 1. Лизи	4
Глава 2. Ози	11
Глава 3. Школа Святого Бенедикта	16
Глава 4. Задание	25
Глава 5. Шестеро	31
Глава 6. Новый день	37
Глава 7. Красное яблоко	41
Глава 8. Через неделю	47
Глава 9. Прятки	54
Глава 10. Союзник	62
Глава 11. Приглашение	71
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Глава 1. Лизи

Солнце стояло в самом зените и, казалось, прибавало тени к земле. Воздух плавился, стекая струйками пота по спине, и даже голуби попрятались под карнизы, лениво воркуя в спасительной прохладе.

Томми шёл босиком по раскалённым плитам тротуара, перескакивая с пятки на носок, когда становилось совсем горячо. Рыжие вихры на его голове поблёкли от жары и торчали ещё более нелепо, а веснушки, кажется, заполонили всё лицо, сливаясь в сплошной золотистый загар. Пиджак, великий на три размера, он перекинул через плечо — тот висел, как усталое знамя после проигранной битвы. Рубашка, мокрая от пота, липла к лопаткам.

Вокруг было тихо и сонно. Город замер в послеобеденном мареве. Томми насвистывал какую-то простенькую мелодию, которую подобрал на днях возле музыкального магазина. Звук его босых шлепков по камню отскакивал от стен домов, но никто не выглядывал из окон, чтобы поругать его за шум.

И вдруг тишина взорвалась.

Из распахнутого настежь окна второго этажа старого кирпичного дома вылетел пронзительный женский голос, злой и усталый, как скрип несмазанной двери.

— Я кому сказала?! Сколько можно тебя учить?! Ты со-

всем ополоумела? Я из-за тебя на работе как проклятая, а ты?! Ты думаешь вообще своей пустой головой?!

Томми замер. Мелодия застряла в горле. Он поднял голову и увидел в окне силуэт женщины, которая трясла какой-то тряпкой, нависая над кем-то, кого не было видно. Голос был визгливым, режущим слух, полным той особой злости, которая копилась годами.

— Ни стыда, ни совести! Уйди с глаз моих, чтобы я тебя не видела! Дармоедка! Чтоб ты провалилась!

Что-то глухо стукнуло об пол внутри комнаты. Наверное, та самая тряпка. Или книга. Томми сглотнул. Его широкая улыбка, которую он носил, как лучший костюм, сползла набок, а потом и вовсе исчезла, оставив лицо пустым и бледным, несмотря на загар.

Он стоял посреди пустынной, плавящейся от зноя улицы и смотрел на это окно. Солнце нещадно палило ему в макушку, но ему вдруг стало зябко. Он услышал не просто ссору. Он услышал знакомую музыку. Ту самую, что играла в его собственной голове долгими вечерами, когда никто не видел.

В окне мелькнул детский силуэт, маленький и сжавшийся, а потом исчез в глубине комнаты. Женщина ещё некоторое время стояла, тяжело дыша, а потом с силой захлопнула створки, отсекая крик от мира.

Снова стало тихо. Только солнце жгло по-прежнему.

Томми постоял ещё секунду. Потом медленно натянул на лицо свою самую широкую, самую беззаботную улыбку. На-

дел её бережно, как надевают шляпу, выходя под дождь.

Он свернул за угол и оказался перед длинным рядом покосившихся деревянных заборов, краска на которых облупилась и висела серыми лохмотьями. Забор, который ему был нужен, он узнал сразу — тот самый дом с распахнутым окном.

Томми оглянулся по сторонам. Улица была пуста. Он скинул пиджак на землю, разбежался и, ухватившись за верхнюю перекладину, ловко перекинул своё тощее тело через забор. Приземлился он неловко, зацепившись штаниной за торчащий гвоздь, и шлёпнулся в высокую траву, издав приглушённый "уф!".

Трава здесь была высокой и некошенной, пахло ромашкой и нагретой за день землёй. Томми замер, прислушиваясь. Из глубины двора доносился тихий, надрывный звук. Кто-то плакал, уткнувшись лицом в колени, чтобы никто не услышал. Но Томми слышал.

Он поднялся, отряхнул штаны и, раздвигая руками высокие стебли, пошёл на звук. Девочка сидела под старой яблоней, в тени, обхватив колени руками. Её плечи вздрагивали, а светлые волосы рассыпались по спине, закрывая лицо. Это была она. Та самая девочка из окна.

Томми кашлянул.

— Эй, — сказал он тихо. — Тут место не занято? А то моё уже совсем прожарилось на солнце, я там, как яичница на сковородке, скоро шипеть начну.

Девочка вздрогнула и резко подняла голову. Глаза у неё были красные, опухшие, по щекам размазаны слёзы и пыль. Она испуганно уставилась на незваного гостя — рыжего, лохматого, в рваной рубашке, стоящего посреди её двора.

— Ты кто? — спросила она хрипло, шмыгая носом. — Ты как сюда попал?

— Томми, — он широко улыбнулся и приложил руку к груди, словно представлялся важному вельможе. — Перелётный артист, акробат, жонглёр и укротитель диких одуванчиков. А попал я сюда классическим способом: разбежался, прыгнул, зацепился, упал. Рекомендую, между прочим, осторожнее с гвоздём на том заборе. Очень коварный тип.

Девочка непонимающе моргнула. Её губы дрожали, но слёзы на секунду перестали течь.

— Чего тебе надо? Уходи.

— Уйду, — легко согласился Томми. — Обязательно уйду. Вот только ноги отдохнут минутку. А то они у меня сегодня уже столько километров отмахали, что собираются писать жалобу в местный совет.

Он плюхнулся на траву рядом с ней, совершенно не спрашивая разрешения, и вытянул свои босые, пыльные ноги. Девочка отодвинулась, но не встала.

— Ты та самая, из окна, да? — спросил Томми, глядя куда-то вверх, на яблоки. — Я проходил мимо. Слышал.

Лизи сжалась, словно её ударили. Она снова уткнулась лицом в колени.

— Не твоё дело, — донеслось глухо.

— Абсолютно, — кивнул Томми. — Моё дело — ловить мух и продавать их на рынке как дрессированных. Но мухи, зараза, не дрессируются. Ленивые. Вон, видишь? — он ткнул пальцем в траву. — Сидит, наглая, даже не шевелится.

Лизи покосилась сквозь пальцы. В траве и правда сидела большая зелёная муха и чистила лапки.

— Это просто муха, — сказала она.

— Не просто, — возразил Томми. — Это потенциальный циркач. Я хотел научить её ходить по канату. Но канат я потерял. А она без каната не хочет. Принципиальная. Я её понимаю.

Он глубоко вздохнул, потом вытащил из кармана штанов смятый, перекрученный стебель одуванчика и водрузил его себе на голову.

— Смотри. Я — генерал Одуванчик. Командую парадом полевых цветов. Рядовой Клевер, шаг вперёд! — скомандовал он, глядя на пучок травы. — А он не идёт. Дисциплина ни к чёрту. Разжалую в сорняки.

Лизи смотрела на него. Солнце пробивалось сквозь листья яблони и рисовало золотые пятна на его рыжих вихрах, на дурацком одуванчике, торчащем на макушке, на его веснушчатом, сосредоточенно-серьёзном лице. Он был совершенно, абсолютно нелепый. Как клоун, который забыл смыть грим.

И вдруг краешек её губ дрогнул.

— Ты дурак, — сказала она тихо.

— Ага, — с готовностью подтвердил Томми и расплылся в такой широкой, такой искренней улыбке, что веснушки на его носу, казалось, подпрыгнули от радости. — Самый главный дурак на этой улице. Должность наследственная. А хочешь, покажу фокус?

Не дожидаясь ответа, он вскочил на ноги, засунул руки в карманы и начал выделять ногами немислимыя коленца. Он прыгал, крутился, чуть не упал, запутавшись в траве, потом вытащил из кармана пустую руку и с серьёзным видом «достал» у Лизи из-за уха воображаемую монетку.

— Держи. На счастье. Осторожно, невидимая, могут украсть.

Лизи смотрела на его пустую ладонь, протянутую к ней. Потом перевела взгляд на его лицо. Он тяжело дышал после своего дурацкого танца, рубаха выбилась, на лбу блестел пот, а глаза смотрели на неё светло и внимательно. В них не было жалости. Только какая-то странная, тёплая просьба: "Ну пожалуйста, улыбнись".

Она шмыгнула носом в последний раз и осторожно, кончиками пальцев, взяла воздух из его ладони.

— Спасибо, — прошептала она.

Томми кивнул, убрал руку и снова сел рядом.

— Это тебе спасибо, — сказал он просто. — А то я уже начал думать, что разучился людей смешить. А это, знаешь, для артиста — профессиональная смерть.

Они сидели в тени старой яблони. Солнце медленно спол-

зало с зенита. Где-то за забором, в большом и злом мире, снова закричала женщина, но здесь, в траве, пахло ромашкой и было почти спокойно. Лизи украдкой посмотрела на странного рыжего мальчишку, который снова надел на голову засохший одуванчик и теперь пытался уговорить муху стать канатоходцем. И ей вдруг показалось, что у него могло бы и получиться.

Глава 2. Ози

Утро встретило Томми холодом, который заползал под пиджак и щипал босые пятки. Он проснулся в подворотне, на куче старого тряпья, которое кто-то выбросил, и первым делом нащупал в кармане яблоко. Красное. Он стащил его ещё вчера с лотка на рынке, когда торговка отвернулась. Не для себя. Для неё.

Томми шёл по пустынной утренней улице, и его тень тянулась за ним длинная и тощая, как и он сам. В руке он нёс яблоко, начистив его о полу пиджака до тусклого блеска. Забор дома Лизи он узнал сразу — вчерашняя заноза от гвоздя всё ещё ныла в ладони.

Он осторожно, стараясь не шуметь, положил яблоко на верхнюю перекладину. Красное на сером старом дереве. Как капля крови. Или как обещание.

Томми отошёл на другую сторону улицы и замер в тени большого платана, делая вид, что рассматривает свои босые ноги. Он ждал. И окно второго этажа не заставило себя ждать.

Шторы дёрнулись.

Лизи стояла у окна, прижавшись лбом к холодному стеклу. Солнце только начинало золотить её волосы, но глаза были уже красными, а губы плотно сжаты. За её спиной маячила фигура матери. Томми не слышал слов, но видел, как

шевелится рот женщины, как она тычет пальцем то в стол, то в дочь, и этот беззвучный фильм был страшнее любого крика. Лизи слушала, кивала, но взгляд её был прикован к забору. К яблоку.

Она увидела. Томми даже с расстояния в пол-улицы заметил, как дрогнули её губы. Как мелькнуло что-то тёплое в глазах, прежде чем мать снова дёрнула её за плечо, заставляя обернуться.

И тут калитка дома скрипнула.

Томми перевёл взгляд и на мгновение забыл, как улыбаться. Из калитки вышел парень. Высокий, подтянутый, старше его года на три-четыре. Одет он был так, будто собрался на бал, а не на прогулку в этот пыльный район: чистые отглаженные брюки, белая рубашка, жилетка, туфли, начищенные до зеркального блеска. Тёмные волосы зализаны назад. Лицо холёное, брезгливое. Он нёс в руке трость, которой явно не пользовался при ходьбе — только для важности.

Парень остановился, заметил Томми, и его тонкие губы скривились в усмешке. Он не спеша пересёк улицу, цокая начищенными туфлями по булыжникам, и остановился в двух шагах.

— Ты чего тут трёшься? — голос у него был высокомерный, с противной певучей ноткой. — Это частная территория. Или ты, оборванец, заблудился? Ночлежка в другом конце города.

Томми расправил плечи, поправил сползающий пиджак и

натянул на лицо самую широкую свою улыбку.

— Доброе утро, ваше сиятельство! — бодро отчеканил он, отвесив шутовской поклон, от которого его рыжие вихры окончательно растрепались. — А я смотрю, вы сегодня выгуляли свой лучший костюм. Или это пижама такая модная? У нас в ночлежке один старик спит в похожей тряпке, говорит, в ней теплее.

Парень побагровел.

— Ты как со мной разговариваешь, грязь подзаборная? Я Озирад Вэнс, между прочим. Мой отец...

— Ози? — перебил Томми, прищурившись. — Ози, значит. Красивое имя. Для болонки. А меня Томми. Можно просто Том. Можно просто "эй, ты". Я не гордый.

Ози сжал трость так, что костяшки побелели.

— Ещё одно слово, и я позову полицию. Знаем мы таких, как ты. Вечно крутитесь возле приличных домов, высматриваете, что плохо лежит. Яблоко, небось, спёр где-то, — он кивнул на забор. — Думаешь, Лизи станет жрать твои ворованные огрызки?

Улыбка Томми стала ещё шире, хотя, казалось, шире уже некуда.

— Ого, — восхитился он. — Вы не только болонка, вы ещё и мысли читаете? Тогда скажите, о чём я сейчас думаю?

Ози опешил.

— Что? Не мели ерунды...

— Я думаю, — Томми сделал шаг вперёд и заговорщицки

понижил голос, — что ваша матушка, наверное, очень переживает. Сынок вышел на улицу, а на нём туфли такие блестящие, что в них, как в зеркало, смотреться можно. Вдруг кто наступит? Вдруг пылинка упадёт? Вы бы, Ози, берегли себя. А то чистота — она хрупкая.

Ози дёрнулся, будто его ударили. Он открыл рот, чтобы выдать что-то уничтожающее, но Томми опередил его.

— И ещё я думаю, — продолжил он, задумчиво почёсывая веснушчатый нос, — что вы к Лизи свататься пришли, да? Такой красивый, такой начищенный. А она даже не выглянула. Вон, — он кивнул на окно второго этажа, где за стеклом по-прежнему стояла девочка, прижавшая ладони к стеклу. — Смотрит на меня. Странно, да? На оборванца смотрит, а на вас, ваше сиятельство, даже не глянула.

Ози резко обернулся. Лизи действительно смотрела вниз. На них. И на её лице, впервые за всё утро, блуждала тень улыбки.

— Ах ты мелкий...

Ози шагнул к Томми, взмахнув тростью, но Томми был быстрее. Он кувыркнулся назад, ловко, как уличный акробат, вскочил на ноги и побежал, хохоча во всё горло. Пиджак его развевался за спиной, как крылья перепуганной вороны.

— Берегите туфли, Ози! — крикнул он на бегу. — Пыль! Пыль летит! Вы же задохнётесь в нашем районе!

Из окна второго этажа донёсся смех. Тихий, удивлённый, счастливый смех Лизи, которую только что отчитывали, ко-

торая должна была бы плакать, но вместо этого смеялась — глядя, как рыжий мальчишка в дурацком пиджаке улепётывает от разъярённого аристократа, оставляя того одного посреди улицы, с тростью в руке и с красным, как то самое яблоко, лицом.

Яблоко осталось лежать на заборе. Красное. Яркое. Как знак того, что не всё в этом мире решают чистые туфли и дорогие костюмы.

Глава 3. Школа Святого Бенедикта

Школа Святого Бенедикта больше походила на тюрьму, чем на место, где учат уму-разуму. Стены облупились, окна затянула грязь, а в классах зимой приходилось сидеть в куртках, потому что уголь для печи экономили. Но директор, старый хрыч мистер Грейвз, любил повторять, что бедность — не порок, а лень — мать всех грехов. Говорил он это обычно, глядя на тех, чьи родители не могли сдать деньги на «ремонт крыльца» или «новые учебники».

Томми сидел на последней парте, закинув босые ноги на скамью впереди себя. Пиджак, великий на три размера, висел на спинке стула, рубаха была драная, но чистая — Лизи вчера заставила её постирать в ручье. Он грыз огрызок мела, найденный по дороге, и смотрел на мисс Прингл.

Мисс Прингл была старой, сухой и злой, как прошлогодний сухарь. Сегодня она разливалась соловьём перед первой партой, где сидели отпрыски богачей: сын мясника, дочка аптекаря и, конечно, Озирад Вэнс собственной персоной. Ози сидел с таким видом, будто лично финансировал эту школу.

— Ах, мистер Вэнс, какой прекрасный почерк! — ворковала мисс Прингл, заглядывая через его плечо. — Ваша ма-тушка, должно быть, очень вами гордится!

— Стараюсь, мисс Прингл, — важно кивнул Ози, стрель-

нув взглядом в конец класса, где сидел Томми.

Томми широко улыбнулся и помахал ему пальцами. Ози отвернулся.

Мисс Прингл проследовала между партами, и по мере того как она удалялась от первой парты, улыбка на её лице таяла, как снег весной. Возле Джимми, сына сапожника, она поморщилась:

— Руки убери со стола! Вечно ты размажешь всё!

Возле Тима, чей отец спился и пропал, она просто прошла мимо, даже не взглянув.

А когда она поравнялась с Томми, то остановилась, и лицо её сделалось таким кислым, что хоть лимоны выжимай.

— Нортон. Опять босой. Опять в этом убожестве. Ты хоть понимаешь, что своим видом позоришь школу?

Томми моргнул, улыбнулся и выплюнул огрызок мела в ладонь.

— Доброе утро, мисс Прингл! — пропел он. — А у меня для вас сюрприз. Сегодня на уроке будет весело!

Мисс Прингл побледнела.

— Нортон, только попробуй...

Но Томми уже вскочил на ноги. Пиджак сзади сполз, и он картинно набросил его на одно плечо, как плащ.

— Класс! Внимание! — гаркнул он. — Объявляю перемену внутри урока! Кто со мной?

Джимми и Тим радостно засвистели. Ещё трое нищих ребят с задних парт заулюлюкали. Они любили Томми. Он был

единственным, кто мог заставить старую каргу скрипеть зубами так громко, что это было слышно на другом конце класса.

— Нортон! Прекрати немедленно! — взвизгнула мисс Прингл, хватая указку.

— А мы ещё не начинали! — Томми вскочил на парту. Доска жалобно скрипнула под его босыми пятками. — Итак, первое состязание: кто громче изобразит крик осла? Прошу, Джимми, тебе слово!

Джимми сложил ладони рупором и выдал такое «и-а», что в соседнем классе захихикал.

— Великолепно! — Томми приложил руку к груди. — А теперь конкурс на лучшую пародию на...

— Да заткнитесь вы уже! — взвизгнула дочка аптекаря, закрывая уши руками. — Невозможно заниматься!

— Мисс Прингл! — вскинулся Ози, вскакивая с места. — Сделайте же что-нибудь! Этот... этот нищий срывает урок!

Мисс Прингл побагровела так, что, казалось, ещё чуть-чуть — и хлопнет, как перезревший помидор.

— Нортон, вон из класса! К директору! Немедленно!

Томми спрыгнул с парты, отряхнул штаны и отвесил низкий поклон.

— С величайшим удовольствием, мисс Прингл. Но перед уходом разрешите показать вам кое-что интересное...

Он запустил руку в карман пиджака и вытащил оттуда... живую лягушку. Зелёную, пучеглазую, совершенно ошалев-

шую от духоты.

— Её зовут Гертруда, — объявил Томми. — Она хочет поздороваться с вами лично.

Он подбросил лягушку. Та шлёпнулась прямо на стол мисс Прингл, прямо в её раскрытый журнал, и замерла, уставившись на учительницу немигающим взглядом.

Класс взорвался хохотом. Нищие дети повскакивали с мест, хлопая в ладоши. Даже некоторые из богатых, те, что попроще, не смогли сдержать улыбок. Ози и дочка аптекаря в ужасе отшатнулись.

— А-а-а! — заорала мисс Прингл, подскакивая на месте и роняя указку. — Убери! Убери эту гадость! Нортон, ты чудовище!

Томми подхватил лягушку, сунул её обратно в карман и, пятясь к двери, снова поклонился.

— Заходите как-нибудь ещё, мисс Прингл. Мы всегда рады гостям. Особенно таким... тёплым и душевным.

Он выскочил в коридор под оглушительный рёв класса. И даже сквозь закрытую дверь слышал, как Джимми запел: «Свободу лягушкам! Свободу Томми!» — а Тим колотил крышкой парты в такт.

Томми привалился к стене, выдохнул и улыбнулся. Улыбка вышла немного другой, чем обычно. Не той, которой он встречал Ози или мисс Прингл. Тише. Усталее. Но всё равно тёплой.

Он погладил лягушку через карман.

— Спасибо, Гертруда. Ты сегодня отработала свой хлеб. Вернее, муху. Завтра поймаю тебе самую жирную.

Из-за двери всё ещё доносился гам. Где-то там, в этом гаме, смеялись те, кто обычно молчал. И ради этого стоило терпеть мисс Прингл, Ози и даже кабинет директора, куда его сейчас, скорее всего, потащат.

Коридор школы Святого Бенедикта встретил Томми привычной сыростью и запахом хлорки, которой уборщица мистер Бинс пыталась замывать следы вечного запустения. Окна здесь были такие грязные, что утреннее солнце пробивалось сквозь них мутными, больными пятнами.

Томми неторопливо шёл к кабинету директора, пиная носком босой ноги воображаемый камешек. Лягушка Гертруда мирно дремала в кармане, сыто икнув после удачного утра. В голове Томми уже прокручивал варианты того, как он будет развлекать старого хрыча Грейвза. Можно сделать вид, что он потерял дар речи. Можно упасть в обморок от голода — это всегда срабатывало, давали хлеба с чаем, лишь бы заткнулся. Можно...

Он завернул за угол и замер.

На деревянной скамье у двери с табличкой «Директор Гораций Грейвз. Вход без стука карается» сидела девушка. Молодая. Очень молодая. Наверное, лет восемнадцать, от силы девятнадцать. Одежда на ней была скромная, даже бедноватая: тёмная юбка, выцветшая кофта, платок на плечах с дырочкой у края. В руках она сжимала потрёпанную папку с

бумагами так крепко, будто боялась, что её украдут.

Она подняла голову, и Томми увидел глаза. Большие, серые, смотрели на него не так, как смотрели все остальные учителя. В них не было брезгливости. Не было презрения. Только усталость и, кажется, страх. Страх перед дверью, за которой сидел Грейвз.

— Привет, — сказал Томми, останавливаясь напротив. — Ты чего тут сидишь? Проверку на вшивость проходишь?

Девушка моргнула, непонимающе глядя на него.

— Я... мисс Элизабет Хейл. Новая учительница. Мисс Прингл сказала, что я должна представиться директору и... получить назначение.

— Мисс Хейл, значит, — Томми присвистнул и без спросу плюхнулся на скамью рядом с ней, отчего та жалобно скрипнула. — А по виду — просто Элизабет. Или Лиззи? Можно Лиззи?

Девушка растерянно улыбнулась. У неё была робкая улыбка, неуверенная, будто она не знала, имеет ли право вообще улыбаться.

— Можно просто Элизабет. А ты... ученик?

— Томми Нортон, — он картинно приложил руку к груди. — Местная знаменитость, главный возмутитель спокойствия и, как выражается мисс Прингл, позор школы. Но ты ей не верь. Она просто завидует моей харизме.

Элизабет оглядела его: босые ноги в пыли, драные штаны, рубашка с оторванной пуговицей, пиджак, который ви-

сел на нём как на пугале, рыжие вихры торчком, веснушки во всё лицо. И широченная улыбка, которую, кажется, ничем не сбить.

— Ты... босиком? — спросила она тихо. — Холодно же. Томми пожал плечами.

— Привык. Земля, она как люди: утром злая, днём отходит, к вечеру ласковая становится. Главное — знать, куда наступать.

Она смотрела на него с каким-то новым выражением. Не жалость — жалости Томми не выносил. Скорее, любопытство. Будто он был книгой на незнакомом языке, которую очень хотелось прочитать.

— А ты чего здесь ждёшь? — спросила она. — Тоже к директору?

— Ага, — весело кивнул Томми. — У меня с ним романтические отношения. Он меня любит так сильно, что вызывает каждый день, чтобы полюбоваться. Сегодня, правда, я немного перестарался. Подарил мисс Прингл лягушку.

— Лягушку? — глаза Элизабет округлились. — Живую?

— Гертруду, — Томми похлопал по карману. — Она хорошая. Не кусается. Только если сильно рассердить. Но мисс Прингл рассердилась сильнее, так что Гертруда молодец, сдержалась.

Элизабет прикрыла рот ладошкой, пытаясь сдержать смех, но он всё равно прорвался — тихий, удивлённый, похожий на звон колокольчика.

— Ты... ты правда подарил учительнице лягушку? — переспросила она сквозь смех.

— Ну не насовсем, — поправил Томми. — Так, познакомиться. Для культурного обмена. Гертруда теперь знает, как выглядит мисс Прингл, а мисс Прингл теперь знает, что Гертруда прыгает быстрее, чем она бежит.

Элизабет смеялась уже в голос, забыв про папку, про страх перед директором, про всё на свете. Томми смотрел на неё и чувствовал, как в груди разливается что-то тёплое. Она смеялась не над ним. Она смеялась вместе с ним. Это было... ново.

— Ты чего так боишься-то? — спросил он, когда она успокоилась. — Грейвз, он только с виду страшный. На самом деле он просто старый пень, который любит, когда ему поддакивают. Скажешь пару раз «да, мистер Грейвз», «конечно, мистер Грейвз», «какой вы мудрый, мистер Грейвз» — и он растает.

— Я не умею поддакивать, — призналась Элизабет. — Я вообще не умею разговаривать с важными людьми. Я из деревни, у нас все простые. А здесь... здесь всё так... — она обвела рукой коридор, — ...страшно.

— Страшно не здесь, — Томми вдруг стал серьёзным. Улыбка сползла, и на миг Элизабет увидела его настоящего. Того, кто прятался за вечной клоунадой. — Страшно там, где нет никого, кто бы тебя прикрыл. А здесь... — он махнул рукой на дверь кабинета, — ...здесь просто старики, которые

бояться, что кто-то займёт их место. Ты не бойся. Ты давай, заходи и не трясись. А если что — я рядом. В смысле, меня, может, и не будет рядом, потому что меня, скорее всего, выпрут, но я мысленно с тобой.

Улыбка вернулась на его лицо, но теперь она была другой. Теплее. Настоящей.

Элизабет посмотрела на него долгим взглядом.

— Ты странный, Томми Нортон.

— Это самый лучший комплимент в моей жизни, — он вскочил со скамьи, отряхнул штаны и подмигнул. — Ладно, пойду развлекать старика. А ты тут жди. И запомни: главное — улыбайся. Даже если страшно. Особенно если страшно.

Он толкнул дверь кабинета и скрылся за ней, оставив Элизабет на скамье. Она смотрела на закрытую дверь и чувствовала, как страх потихоньку отпускает. Странный мальчишка. Босой, оборванный, нелепый. Но отчего-то после разговора с ним мир перестал казаться таким враждебным.

Из-за двери донёсся громогласный рык директора:

— НОРТОН! ОПЯТЬ?!

И следом — спокойный, весёлый голос Томми:

— Доброе утро, мистер Грейвз! А я вам гостинчик принёс. Хотите, познакомлю с Гертрудой? Она стеснительная, но очень добрая...

Элизабет улыбнулась. Впервые за весь этот долгий, холодный день.

Глава 4. Задание

Дверь кабинета директора закрылась за Томми с таким гулким стуком, будто захлопнулась крышка гроба. Элизабет проводила его взглядом и снова сжалась на скамье, комкая в пальцах край потрёпанной папки. Сквозь дубовую толщу двери всё ещё доносились приглушённые голоса — басовитый рык Грейвза и беззаботный щебет Томми, который, кажется, даже разносную речь директора умудрялся превращать в представление.

— Мисс Хейл? Проходите.

Секретарша, сухая женщина с лицом, похожим на сморщенное яблоко, приоткрыла дверь и поманила Элизабет пальцем. Та вскочила, прижимая папку к груди, и перешагнула порог.

Кабинет директора оказался именно таким, каким она его и представляла: тёмная тяжёлая мебель, портреты каких-то важных стариков на стенах, пыльные папки на полках и огромный стол, за которым восседал сам Гораций Грейвз. Томми уже стоял перед столом, заложив руки за спину, с самым невинным выражением на веснушчатом лице. Пиджак его висел мешком, босые пятки оставляли следы на полу.

— ...и если я ещё раз узнаю, что ты срываешь уроки, Нор-тон, — Грейвз говорил, не глядя на вошедшую Элизабет, — я лично вышвырну тебя из этой школы пинком под зад. Ты

меня понял?

— Так точно, ваше превосходительство! — Томми вытянулся по струнке и отдал честь. — Никаких лягушек, никаких ослов, только учёба, учёба и ещё раз учёба!

Грейвз побагровел и махнул рукой в сторону двери:

— Пошёл вон. И чтоб духу твоего здесь до конца дня не было.

— Есть не духу! — Томми развернулся на пятках, подмигнул Элизабет так, что только она заметила, и выскользнул за дверь, оставив после себя лёгкий запах пыли и утренней свободы.

Грейвз перевёл взгляд на Элизабет. Изучил её с ног до головы — скромное платье, выцветший платок, стоптанные башмаки. Губы его сложились в некое подобие улыбки, от которой у Элизабет похолодело внутри.

— Мисс Хейл, — он не предложил ей сесть. Она так и осталась стоять посреди кабинета, сжимая папку. — Мисс Прингл рекомендовала вас как... исполнительную девушку. Из бедной семьи. Такие нам и нужны. Много не требуют, работают за спасибо.

Элизабет сглотнула.

— Я... я буду стараться, мистер Грейвз.

— Стараться, — повторил он, будто пробуя слово на вкус. — Стараться мало. Надо понимать. Понимать, как устроена эта школа. Это не богадельня, мисс Хейл. Это заведение, которое существует на пожертвования родителей. Хороших

родителей. Которые платят.

Он встал из-за стола и медленно обошёл его, оказавшись рядом с Элизабет. От него пахло затхлостью, старым табаком и ещё чем-то сладковато-противным.

— Те, у кого есть деньги, — продолжал Грейвз, останавливаясь у неё за спиной, — заслуживают внимания. Заботы. Хороших оценок. Их родители должны быть довольны. Очень довольны. Тогда они будут платить дальше. А те, у кого денег нет... — он сделал паузу, — ...они здесь просто занимают место. Место, которое мог бы занять кто-то полезный.

Элизабет чувствовала его взгляд между лопаток. Ей хотелось обернуться, посмотреть ему в лицо, но тело не слушалось.

— Я слышал, вы уже познакомились с Нортоном, — голос Грейвза стал тише, интимнее. — Этот мальчишка — идеальный пример мусора, который засоряет нашу школу. Ни гроша за душой, никаких перспектив, одни только фокусы и хулиганство. Родители жалуются. Особенно мистер Вэнс. Вы знаете, кто такой мистер Вэнс?

— Нет, — прошептала Элизабет.

— Мистер Вэнс — человек с деньгами, — Грейвз обошёл её и снова оказался перед столом, но не сел, а опёрся о край, глядя на неё сверху вниз. — Его сын Озирад учится здесь. И этот... Нортон... постоянно его задевает. Вы понимаете, к чему это ведёт?

Элизабет молчала. Она понимала только одно: ей здесь очень, очень не нравится.

— Я даю вам задание, мисс Хейл, — Грейвз наклонился вперёд, и его глаза, маленькие и колючие, впились в неё. — Сделайте так, чтобы Нортон либо начал учиться как положено, либо больше не появлялся в этой школе. Мне всё равно, каким способом. Припугните его, пригрозите полицией, надавите на жалость — вы же девочка, у вас должны быть свои методы. Но чтобы через месяц я не видел этой рыжей образины в коридорах. Иначе...

Он не договорил. Но пауза была красноречивее любых слов.

Элизабет стояла, чувствуя, как пол уходит из-под ног. Она ожидала, что ей дадут младшие классы, что она будет учить детей читать и писать, что...

— Я... я не могу, — вырвалось у неё. — Я не могу выгнать ребёнка из школы. Он же... он же просто мальчишка. Он...

— Он — проблема, — отрезал Грейвз. — И теперь это ваша проблема. Хотите работать здесь — решайте её. Не хотите — дверь вон. У нас очередь из молодых учительниц, которые мечтают о таком месте.

Он вернулся в своё кресло, тяжело опустился в него и сцепил пальцы на животе.

— Подумайте, мисс Хейл. У вас есть неделя, чтобы войти в курс дел. А потом я жду результатов. И помните: в этой школе мы ценим тех, кто умеет быть полезным. Очень по-

лезным.

В его голосе проскользнуло что-то такое, от чего Элизабет стало физически дурно. Что-то липкое, скользкое, на что даже думать не хотелось. Она сделала шаг назад, к двери.

— Я... я поняла, мистер Грейвз.

— Вот и славно, — он улыбнулся. Улыбка у него была редкая, и лучше бы он вообще не улыбался. — Идите, мисс Хейл. И приведите себя в порядок. В нашей школе учителя должны выглядеть... опрятно. Найдите возможность купить новое платье. В долг, если надо. Мы вычтем из жалованья.

Элизабет выскочила в коридор и прижалась спиной к холодной стене. Сердце колотилось где-то в горле, руки дрожали, в глазах защипало. Она сделала несколько глубоких вдохов, пытаясь унять дрожь.

— Ну чего, живая?

Она подскочила. Томми сидел на той же скамье, болтая босыми ногами, и смотрел на неё с беспокойством, спрятанным за привычной улыбкой.

— Ты чего такая бледная? Он тебя там совсем застрашал? Старый хрыч умеет, да. Я его боюсь только когда он спит. Потому что вдруг проснётся и опять начнёт учить жизни.

Элизабет посмотрела на него. Рыжие вихры, веснушки, дурацкий пиджак, босые ноги в пыли. И улыбка. Вечная его улыбка, за которой, она теперь точно знала, прячется что-то совсем другое. И ей стало страшно. Не за себя. За него.

— Томми, — сказала она тихо. — Ты... будь осторожнее,

ладно?

Он моргнул, удивлённый серьёзностью её тона.

— Всегда, — ответил он, и улыбка его на секунду стала настоящей. — Я же артист. Артисты всегда осторожны. Особенно с такими зрителями, как наш директор.

Он спрыгнул со скамьи, подмигнул ей и бодро зашагал по коридору, насвистывая какую-то дурацкую мелодию. А Элизабет смотрела ему вслед и думала о том, что задание, которое ей дали, — самое страшное в её жизни. Потому что выбирать между школой и этим мальчишкой значило выбирать между собой и кем-то, кто уже научил её смеяться в самый трудный день.

Глава 5. Шестеро

За городом, там, где кончались мостовые и начинались поля, было озеро. Томми звал его Лягушачьим раем. Сюда почти никто не приходил — далеко, да и дорога через луг, где паслись коровы, отпугивала чистюль из города. Но Томми это устраивало. Здесь можно было снять с себя улыбку.

Он сидел на старом полусгнившем мостках, свесив босые ноги в тёмную воду. Солнце уже касалось края земли, окрашивая небо в оранжево-розовые тона, какие бывают только на дешёвых открытках. Томми был один. Совсем один. И это было хорошо.

В руке он держал плоский камешек, но не бросал его, а просто крутил в пальцах. Рядом на досках лежала Гертруда, лениво шурясь на закат.

— Смотри, — сказал ей Томми. — Сейчас будет представление. Только для своих.

Он наклонился и осторожно опустил ладонь в воду. Тишина. Потом от его пальцев пошла лёгкая рябь, и через минуту из темноты показалась сначала одна лягушачья морда, потом вторая, третья... Они подплывали к нему, как к старому знакомому, садились на мостки рядом с Гертрудой и замирали, уставившись на Томми немигающими глазами.

— Привет, братва, — кивнул он. — Как охота? Комаров много?

Лягушки молчали. Но Томми это устраивало. Они были единственными, кто не требовал от него улыбок и шуток. С ними можно было просто сидеть и молчать.

Он достал из кармана горбушку хлеба, припасённую с утра, отщипнул крошку и бросил в воду. Рыбы, которых не было видно, тут же устроили возню.

— Жрите, — разрешил Томми. — Всем достанется.

Он отщипнул ещё кусочек, положил на доску перед Гертрудой. Та деликатно, по-дамски, цапнула его и проглотила.

— Ты сегодня была хороша, — похвалил Томми. — Мисс Прингл до сих пор, наверное, прыгает выше, чем ты. Я горжусь тобой.

Он откинулся назад, лёг на тёплые доски и уставился в небо. Там, высоко, зажигались первые звёзды. Где-то далеко, в городе, зажигались фонари, гремели повозки, ругались торговцы. А здесь было тихо. Только лягушки изредка переговаривались да плескалась рыба.

— Знаешь, Гертруда, — сказал Томми в небо. — Иногда я думаю, что останусь здесь насовсем. Буду жить вон в тех кустах, есть лягушек...

Гертруда возмущённо квакнула.

— ...не вас, не вас, — поправился Томми. — Рыбу буду есть. Или научусь у коров молоко доить. Представляешь, просыпаешься утром, а вокруг ни Ози, ни мисс Прингл, ни этого старого...

Он не договорил. Сзади, со стороны поля, послышался

звук. Треск велосипедных колёс по траве, смех, голоса. Много голосов. Томми сел и обернулся.

По тропинке от города катили велосипеды. Пять, нет, шесть штук. С них спрыгивали парни. Томми узнал их сразу, даже в сумерках: сын мясника, сын аптекаря, двое братьев из лавки скобяных товаров и впереди всех — Озирад Вэнс собственной персоной, в своей чистой рубашке и с этой дурацкой тростью, которую он таскал с собой даже на природу.

— О, глядите-ка! — заорал Ози, заметив Томми на мостках. — Наша лягушка! Нашёл себе компанию?

Томми медленно поднялся. Лягушки, почуяв неладное, одна за другой бултыхнулись в воду. Гертруда спряталась за его ногу.

— Привет, Ози, — сказал Томми, и голос его звучал ровно, без обычной насмешки. — Велосипеды спёр у младших сестёр?

— Заткнись, — Ози подошёл ближе. Компания окружила мостки полукольцом. — Думал, здесь от нас спрячешься? Думал, мы не знаем про твоё лягушачье болото?

Томми посмотрел на них. Пятеро. Все старше, все крупнее. У сына мясника кулаки как окорока. У братьев из лавки — злые, тупые глаза.

— Чего надо? — спросил Томми.

— Чего надо? — Ози шагнул на мостки, и доски жалобно скрипнули. — Ты ещё спрашиваешь? Ты, вонючий оборванец, перед Лизи меня выставил дураком. Ты на уроках по-

зоришься, а учителя на меня косо смотрят, потому что я с тобой в одной школе! Ты...

Он замахнулся тростью.

Первый удар пришёлся по плечу. Томми покачнулся, но устоял. Второй — по рёбрам. Он согнулся, выдохнув воздух. Третьего не было — Ози опустил трость и кивнул остальным.

— Помогите ему, — улыбнулся он. — Чтобы неповадно было.

Они налетели все разом. Томми попытался увернуться, нырнуть в сторону, но сын мясника схватил его за шиворот и швырнул на землю. Пыль, трава, чьи-то ботинки, летящие в рёбра, в спину, в лицо. Он свернулся клубком, закрывая голову руками, как учил его когда-то один старик в ночлежке: «Закрывай башку, Томми, остальное зарастёт».

— Ты кто такой вообще? — выл Ози где-то наверху. — Нищий! Грязь! Подзаборная тварь! Смейся теперь, смейся!

Томми не смеялся. Он молча терпел, считая удары. Один, два, три... Пятнадцать... Двадцать... В ушах шумело, во рту было солёное — кровь или слёзы, он не разбирал.

— Хватит, — остановил их наконец Ози. — А то убьём ненароком.

Парни отступили, тяжело дыша. Томми остался лежать на земле, скорчившись у самой воды. Кто-то пнул его напоследок, для верности.

— Смотри, Ози, он ревёт, — засмеялся брат из лавки. — Глянь, мокрый весь.

— Не ревьёт он, — отрезал Ози. — Это он в лужу наложил от страха. Правильно, Томми? Страшно тебе? Будешь теперь знать, как связываться с теми, кто лучше тебя.

Томми молчал. Он смотрел в землю и молчал.

— Ладно, поехали, — Ози развернулся и пошёл к велосипедам. — Смердит здесь.

Они уехали так же быстро, как появились. Треск колёс, смех, голоса, удаляющиеся в сторону города. И снова тишина.

Томми долго лежал не двигаясь. Ныло всё тело, рёбра горели огнём, на губе запеклась кровь. Потом он почувствовал что-то холодное и мокрое на щеке. Гертруда. Она выбралась из воды и сидела рядом, глядя на него своими золотыми глазами.

— Жива, — прохрипел Томми. — Молодец.

Он с трудом перевернулся на спину и уставился в небо. Звёзды уже зажглись все до одной. Холодные, далёкие, равнодушные.

— Ничего, — сказал он Гертруде, но скорее себе. — Бывало и хуже. В прошлый раз, помнишь? Там ещё по рёбрам доской...

Он замолчал. Говорить было больно.

Минута прошла. Две. Томми медленно, очень медленно сел, держась за бок. Потом встал на колени, потом на ноги. Пошатнулся, но устоял.

Он подошёл к воде, наклонился, зачерпнул пригоршню

и умылся. Холодная вода обожгла разбитую губу, но кровь смыла. Он посмотрел на своё отражение в тёмной воде. Обычное лицо. Только глаза какие-то чужие.

— Улыбайся, — сказал он себе тихо. — Давай, Томми, улыбайся. Ты же артист.

Губы дрогнули, но улыбка не получалась. Не получалась совсем.

Тогда он просто постоял ещё немного, глядя на лунную дорожку на воде, потом поднял с земли пиджак, накинул на плечи и, прихрамывая, пошёл в сторону города. Гертруда сидела на мостках и смотрела ему вслед.

Она не умела плакать. Но если бы умела — заплакала бы.

Глава 6. Новый день

На следующее утро школа Святого Бенедикта гудела, как растревоженный улей. Элизабет пришла раньше всех — она ночь почти не спала, ворочалась на жёсткой койке в каморке, которую снимала у вдовы Бейкер, и всё думала о Томми. О его улыбке, о том, как он подмигнул ей, выходя из кабинета, о том, как легко и просто он говорил с ней, будто они были знакомы сто лет.

Уроки начались. Элизабет поручили вести младшие классы, и она старалась, очень старалась, но взгляд её то и дело ускользал к двери, к последним партам, где обычно сидели нищие дети. Томми среди них не было.

Первая перемена. Вторая. Третья.

К полудню Элизабет не выдержала. Она поймала Джимми, сына сапожника, когда тот нёсся по коридору, размахивая драной сумкой.

— Джимми, стой! — окликнула она.

Джимми затормозил, едва не врезавшись в стену, и уставился на неё с подозрением. Новая учительница. Красивая, но бедная — это видно сразу. Свои.

— Чего? — спросил он настороженно.

— Томми... Томми Нортон. Он сегодня не приходил? Ты не знаешь, где он?

Джимми моргнул, и лицо его стало каким-то странным.

Не то удивлённым, не то обеспокоенным.

— Томми? Не, не видел. Он вообще редко пропускает. Даже когда болеет, всё равно приходит. Говорит, школа — единственное место, где можно бесплатно погреться зимой.

— А где он живёт? — спросила Элизабет. — Мне нужно его найти.

Джимми пожал плечами так, будто она спросила, где живёт ветер.

— Никто не знает. Он никогда не рассказывает. Говорит, что у него много домов. Сегодня тут, завтра там. Но это он шутит так. На самом деле... — Джимми замаялся. — На самом деле, мисс, никто не знает. Он просто появляется утром, балагурит, уроки срыгает, а после уроков уходит. И никто не знает куда.

Элизабет почувствовала, как внутри что-то сжалось.

— А родители? Кто его родители?

— Родители? — Джимми хмыкнул. — Мисс, вы бы видели его пиджак. Если бы у него были родители, они бы давно купили ему нормальную одежду. Или хотя бы заштопали эту. Нет у него никого. Сирота он. Только никому про это не говорит. Смеётся всегда.

— А вы... вы никогда не пытались пойти за ним? Узнать, где он ночует?

Джимми отвёл глаза.

— Пытались. Тим вон прошлой зимой пытался. Хотел позвать его к нам, мама разрешала, у нас тепло. Так Томми его

так по городу крутил, что Тим сам заблудился и еле домой вернулся. Томми не хочет, чтобы его жалели. Он лучше сам.

Элизабет отпустила Джимми и пошла дальше по коридору. Она спрашивала у Тима, у других нищих ребят, даже у тех, кто сидел на первых партах, у богатеньких. Но все отвечали одно и то же: никто не знает, где живёт Томми Нортон. Он как бездомный пёс — появляется, когда хочет, и исчезает, когда ему надо.

К концу дня Элизабет уже почти отчаялась. Она сидела в пустом классе, сжимая в руках папку с бумагами, и смотрела в окно на заходящее солнце. Задание директора висело на ней тяжёлым грузом: «Сделай так, чтобы он либо начал учиться, либо ушёл». Но как заставить учиться того, кого никто не может даже найти?

Дверь скрипнула. Элизабет обернулась. На пороге стояла мисс Прингл, сухая и прямая, как палка.

— Я смотрю, вы уже взялись за Нортон, — сказала она с кривой усмешкой. — Желаю удачи. Только зря время теряете. Этот мальчишка — дикарь. Его не приручить. Он приходит, когда хочет, пакостит и уходит. Мы пытались узнать, где он живёт, полицию вызывали. Но он каждый раз ускользает. То ли ночует в подвалах, то ли по чердакам. Никто не знает. И знаете что?

— Что? — тихо спросила Элизабет.

— Мне всё равно, — мисс Прингл пожала плечами. — Пропадёт — одним вонючим оборванцем меньше. Такие,

как он, не заслуживают школы. Пусть идёт работать на фабрику или в шахту. Там таких быстро обламывают.

Она развернулась и ушла, цокая каблуками по пустому коридору.

Элизабет осталась одна. За окном темнело. Где-то там, в этом огромном, холодном городе, был Томми. Рыжий, веснушчатый, с улыбкой на всё лицо, под которой пряталась такая боль, что Элизабет боялась даже представить её глубину.

Она встала, собрала бумаги и вышла из школы. На улице моросил дождь. Она пошла не к себе, а в сторону окраины, туда, где начинались трущобы. Она не знала, где искать, но надо было хоть что-то делать. Просто сидеть и ждать она не могла.

Глава 7. Красное яблоко

Дождь моросил уже второй час, превращая улицы рабочего квартала в грязное месиво. Элизабет промочила ноги, подол юбки отяжелел и лип к лодыжкам, но она упрямо шла вперёд, вглядываясь в лица редких прохожих, заглядывая в подворотни, под навесы и лестницы.

Она обошла три ночлежки. В первой на неё замахнулись шваброй, во второй засмеялись и сказали, что «рыжих тут не держим, они приносят неудачу», в третьей долго искали какого-то Томми, а потом привели пьяного мужика с рыжей бородой, который никак не мог быть её Томми.

— Мальчик, — объясняла Элизабет в сотый раз. — Лет двенадцать. Рыжий, веснушчатый. В огромном пиджаке, босой.

— А, этот, — кивал какой-то старик в рваном пальто. — Шустрый такой. Трепло. Я его знаю. Но где ночует — не скажу. Он просил не говорить. Да и не знаю я, если честно. Он как ветер. Сегодня здесь, завтра там.

Она вышла из ночлежки и присела на ступеньки какой-то лестницы, пытаясь перевести дух. Дождь стучал по крышам, по мостовой, по её усталым плечам. Руки замёрзли, пальцы плохо слушались.

Мимо прошла женщина с корзиной, глянула на неё с подозрением и ускорила шаг. Элизабет поймала себя на мыс-

ли, что выглядит сейчас немногим лучше тех бездомных, о которых она расспрашивала. Мокрая, бледная, с растрёпанными волосами.

— Эй, барышня, вы кого ищете? — окликнул её торговец с лотка, который уже сворачивал свою лавку под навесом.

Элизабет поднялась и подошла к нему. Пожилой мужчина с усталыми глазами, в фартуке, испачканном мукой.

— Мальчика. Томми Нортон. Рыжий, босой, в пиджаке большом. Может, видели?

Торговец хмыкнул и почесал затылок.

— Томми? Кто ж его не знает. Этот шельмец у меня позавчера яблоко стащил. Я видел, но не стал ловить — больно уж ловкий, всё равно бы удрал. А вчера утром он здесь крутился, показывал фокусы ребятам. Собрал немного мелочи и ушёл.

— А где он живёт? Вы не знаете?

— Живёт? — торговец покачал головой. — Милая барышня, такие, как он, не живут. Они выживают. Где придётся. В подвалах, на чердаках, в старых будках. Никто не знает где. Он сам приходит, когда хочет. Как бездомная кошка. Погладить можно, но забрать домой — не выйдет.

Элизабет поблагодарила и пошла дальше. Ноги гудели, сил почти не осталось, но она не могла остановиться. Мысль о том, что Томми где-то там, один, мокнет под этим дождём, может быть, голодный и больной, не давала ей покоя.

Она свернула в переулок и вдруг замерла. На заборе, пря-

мо перед ней, лежало яблоко. Красное, яркое, мокрое от дождя. Сердце Элизабет пропустило удар. Она подошла ближе и увидела, что яблоко не просто лежит — оно аккуратно положено на верхнюю перекладину, будто кто-то оставил его здесь специально.

Из-за забора донёсся тихий звук. Всхлипывание. Элизабет прислушалась. Кто-то плакал совсем рядом, стараясь делать это как можно тише.

— Эй, — позвала она осторожно. — Там кто-то есть?

Тишина. Потом шорох, и над забором показалось бледное личико. Девочка. Лет одиннадцати-двенадцати, светлые волосы растрёпаны, глаза красные, опухшие. Она смотрела на Элизабет испуганно и настороженно.

— Вы кто? — спросила девочка хрипло.

— Я учительница, — Элизабет улыбнулась, стараясь говорить мягко. — Мисс Хейл. Из школы Святого Бенедикта. А ты кто?

— Лизи, — девочка шмыгнула носом. — Я здесь живу.

Элизабет перевела взгляд на яблоко.

— Это твоё?

Лизи посмотрела на яблоко, и лицо её изменилось. Губы дрогнули, в глазах мелькнуло что-то тёплое, почти счастливое, но тут же спряталось за привычной маской усталости.

— Нет. Это... это от Томми.

— Ты знаешь Томми? — Элизабет шагнула ближе, боясь спугнуть девочку. — Лизи, пожалуйста, это очень важно. Ты

не знаешь, где он? Я ищу его весь день.

Лизи долго молчала, разглядывая мокрую учительницу. Потом вздохнула и покачала головой.

— Не знаю. Никто не знает. Он приходит сам. Иногда утром, иногда вечером. Может оставить что-то на заборе — яблоко, цветочек, красивый камешек. А может просто сидеть под окном и рассказывать глупости, пока мама не прогонит.

— А ты не пыталась пойти за ним? Узнать, где он живёт?

Лизи усмехнулась. Усмешка у неё была грустная, совсем не детская.

— Пыталась. Два раза. Он всегда замечал. Один раз привёл меня обратно и сказал: «Не надо, Лизи. Там, где я живу, тебе не понравится». И улыбался при этом. Знаете, как он улыбается? Широко-широко, будто всё на свете хорошо. Но глаза... глаза у него другие.

Элизабет молчала. Она знала эту улыбку. Видела её вчера в кабинете директора.

— Лизи, — сказала она тихо. — Томми сегодня не пришёл в школу. А он... он вчера вечером мог попасть в беду. Ты не видела его? Не слышала ничего?

Лизи нахмурилась, вспоминая.

— Вчера? Вечером я была дома. Мама опять ругалась... Я в окно смотрела, ждала, может, он придёт. Но не видел ник — Она осеклась и побледнела. — Постойте. Вечером, уже поздно, я слышала шаги. Кто-то шёл очень медленно, будто нёс что-то тяжёлое. Я выглянула, но никого не увидела.

Только тень. Хромая тень.

У Элизабет оборвалось сердце.

— Хромая? Ты уверена?

— Не знаю, — Лизи закусила губу. — Может, показалось.

Темно было. А утром я нашла это.

Она приоткрыла калитку и показала на забор с внутренней стороны. Там, на доске, был нацарапан гвоздём маленький рисунок. Улыбающаяся лягушка в пиджаке.

— Это он так отмечается, — сказала Лизи. — Всегда рисует где-нибудь, когда приходит. Чтобы я знала, что был. Но где он сам — не знаю. Честно. Я бы сказала. Я за него боюсь.

Она снова шмыгнула носом, и Элизабет вдруг поняла, что девочка сейчас заплачет. Она шагнула вперёд и обняла её прямо через калитку, мокрая, уставшая, но тёплая.

— Ничего, — шепнула она. — Мы его найдём. Обязательно найдём. Ты только, если увидишь, скажи ему, что я ищу. Что мисс Хейл ищет. Хорошо?

Лизи кивнула, уткнувшись носом в её мокрое пальто.

Из дома донёсся резкий женский голос:

— Лизи! Ты где шляешься?! Кому сказала, марш домой!

Лизи отстранилась, вытерла глаза и быстро-быстро зашептала:

— Я скажу. Если увижу, скажу. А вы... вы правда хорошая? Не такая, как они все?

— Правда, — ответила Элизабет. — Я не такая.

Лизи кивнула и скрылась за калиткой. Щеколда щёлкну-

ла. Элизабет осталась одна под дождём, глядя на нацарапанную лягушку и красное яблоко, которое всё ещё лежало на заборе, яркое пятно в сером, мокром, безнадёжном мире.

Глава 8. Через неделю

Неделя тянулась бесконечно. Элизабет приходила в школу каждое утро с надеждой увидеть рыжую макушку, и каждое утро уходила с пустыми глазами. Она спрашивала у Джимми, у Тима, у других ребят — никто не видел Томми. Лягушка на заборе у дома Лизи появлялась ещё дважды, но сама девочка только качала головой: «Не знаю. Не приходит. Только рисует и уходит».

Элизабет уже начала бояться самого страшного. Она даже сходила в полицию, но тамошний сержант только отмахнулся: «Бродяжка? Мало ли их по городу шастает? Объявится, никуда не денется».

И вот, спустя ровно семь дней, Томми Нортон объявился.

Элизабет вела урок в младшем классе, когда из коридора донеслись знакомые звуки — топот босых ног, чей-то восторженный визг и громкий, ничуть не изменившийся голос:

— А вот и я! Соскучились? Можете не отвечать, я знаю, что да! Особенно мисс Прингл, она без меня чахнет!

Элизабет выронила мел. Сердце заколотилось где-то в горле.

— Дети, я сейчас вернусь, — быстро сказала она и выбежала в коридор.

Томми стоял посреди коридора в своём неизменном огромном пиджаке, босой, лохматый, и показывал какому-то

первоклашке фокус с исчезающей монеткой. Вокруг него собралась небольшая толпа ребятни, все смеялись, хлопали в ладоши. Он улыбался своей широченной улыбкой, и если бы Элизабет не знала, что искать, она бы никогда не заметила.

Но она знала.

Под левым глазом — желтоватый синяк, который уже сошел, но всё ещё был заметен. На скуле — длинная царапина, зажившая, но оставившая розовый след. И то, как он чуть заметно прихрамывал, поворачиваясь, будто бок всё ещё болел.

— Томми, — выдохнула она.

Он обернулся. На мгновение в его глазах мелькнуло что-то — испуг? растерянность? — но тут же утонуло в привычной улыбке.

— О, мисс Хейл! — воскликнул он, прижимая руку к груди. — Какая честь! Вы вышли меня встретить? Не стоило беспокоиться, я бы сам зашёл поздороваться. Как ваши дела? Как вам наша школа? Ещё не сбежали?

— Томми, — повторила она, подходя ближе. Ребята, почуввав неладное, начали расходиться. — Можно тебя на минутку?

— Для вас — хоть на целую вечность! — он отвесил шутовской поклон. — Но только если вы не собираетесь ругаться за лягушку. Гертруда, кстати, передаёт вам привет. Она сейчас на каникулах, отдыхает на озере.

— Я не буду ругаться, — сказала Элизабет. — Я просто

хочу поговорить. Ты не был в школе неделю.

Томми пожал плечами с такой небрежностью, будто речь шла о пропущенном обеде.

— Дела, мисс Хейл, дела. У артистов всегда куча дел. Гастроли, выступления, встречи с поклонниками. Вот, например, вчера я...

— Томми, — перебила она мягко. — Я тебя искала. Весь город. Все ночлежки. Я даже познакомилась с Лизи.

Улыбка на его лице дрогнула. Совсем чуть-чуть. Если бы Элизабет не смотрела в оба, она бы не заметила.

— Лизи? — переспросил он, и голос его стал чуть тише. — Зачем?

— Я искала тебя. Волновалась. А она тоже волнуется. Ты не приходил к ней целую неделю, только лягушек рисовал на заборе.

Томми отвёл глаза. На секунду он стал не артистом, не клоуном, а просто мальчишкой, которого поймали на чём-то очень личном.

— Дела, — повторил он, но уже без прежнего задора. — Много дел.

— Можно мне посмотреть на твои дела?

Он поднял глаза. В них мелькнуло удивление.

— Чего?

— Я хочу посмотреть, что у тебя под пиджаком, Томми. Можно?

Он отшатнулся, будто она ударила его.

— Зачем?

— Затем, что я не слепая. Я вижу синяки под глазами. Вижу, как ты хромаешь. И я хочу знать, кто это сделал.

Томми замер. Улыбка сползла с его лица окончательно, оставив его пустым и усталым. Он смотрел на неё и молчал. Долго. Очень долго. Потом тихо сказал:

— Никто. Я сам упал.

— Томми.

— Правда. Я часто падаю. Я неловкий. Вы же знаете, — он попытался вернуть улыбку, но она не слушалась. — Акробат из меня так себе.

— Томми, — она шагнула к нему и положила руку ему на плечо. Он дёрнулся, но не отстранился. — Я не буду тебя ругать. Я не буду тебя жалеть. Я просто хочу, чтобы ты знал: ты не один. Хорошо? Ты не один.

Он смотрел на неё снизу вверх, и в глазах его плескалось что-то такое, от чего у Элизабет сжималось сердце. Недоверие. Страх. И крошечный, почти незаметный огонёк надежды.

— Зачем вам это? — спросил он хрипло. — Вы меня совсем не знаете. Я для вас никто. Просто оборванец, который срывает уроки.

— Я знаю, что ты хороший, — ответила Элизабет. — Я видела, как ты общаешься с Лизи. Я видела, как ты защищаешь нищих ребят в классе. И я видела твою улыбку. Настоящую, не ту, которую ты надеваешь как пиджак.

Он моргнул. Часто-часто. И отвернулся.

— Вам пора на урок, — сказал он глухо. — А мне пора идти.

Он развернулся и быстро, прихрамывая, пошёл к выходу. Элизабет не стала его останавливать. Она пошла следом, на расстоянии, давая ему пространство, но не отпуская. Так они и вышли на школьный двор, пересекли его и остановились у калитки.

— Томми, подожди.

Он замер, стоя к ней спиной. Пиджак висел на нём мешком, ветер трепал рыжие вихры. Он был такой маленький и такой одинокий в этом огромном пиджаке.

— Я хочу тебе кое-что предложить, — сказала Элизабет, подходя ближе. — Ты не ходишь на уроки, потому что там скучно? Или потому что учителя тебя не любят? Или потому что тебе трудно?

Он не ответил. Плечи его чуть напряглись.

— Я могу заниматься с тобой отдельно, — продолжила она. — После школы. Или когда тебе удобно. Читать, писать, считать — всему, чему захочешь. Индивидуально.

Он медленно повернулся. В глазах его было недоверие, смешанное с чем-то ещё. С надеждой? Он сам, кажется, не понимал, что чувствует.

— У меня нет денег, — сказал он коротко. Резко. Почти зло.

— Я знаю.

— Совсем нет. Ни гроша.

— Я знаю.

— Я не смогу вам заплатить. Ни сейчас, ни потом. Никогда.

Элизабет улыбнулась. Тепло, открыто, как улыбаются только своим.

— Это бесплатно, Томми. Совсем бесплатно. Не за деньги.

Он смотрел на неё долго-долго. Ветер шевелил его волосы, где-то далеко кричали чайки, пахло дождём и пылью. А они стояли у калитки, и между ними происходило что-то очень важное.

— Зачем? — спросил он наконец. Тихо, почти шёпотом.

— Зачем вам это?

— Потому что ты этого заслуживаешь, — просто ответила Элизабет. — Все дети заслуживают шанса. Даже те, у кого нет денег.

Он сглотнул. Отвёл глаза. Потом снова посмотрел на неё. И вдруг, впервые за всё время их знакомства, улыбнулся по-настоящему. Не той широкой, карнавальной улыбкой, которой он пугал мисс Прингл и смешил ребят. А другой. Тихой, робкой, неуверенной. Улыбкой мальчишки, который только что получил то, чего у него никогда не было.

— Я подумаю, — сказал он. — Ладно?

— Ладно, — кивнула Элизабет. — Я буду ждать. И запомни: ты не один. Ты слышишь?

Он кивнул. Один раз. Быстро. И, развернувшись, побежал по улице, прихрамывая, но быстро, очень быстро, скрываясь за углом.

Элизабет смотрела ему вслед, и на глазах у неё блеснули слёзы. Но она улыбалась. Потому что сегодня, кажется, что-то изменилось. Совсем чуть-чуть. Но изменилось.

Глава 9. Прятки

Солнце клонилось к закату, когда Томми подошёл к знакомому забору. В руке он сжимал горсть спелой черешни — стащил утром на рынке, пока торговка зазевалась, и всё думал, кому бы отдать. Лизи, конечно. Кому ж ещё.

На заборе ещё держался нацарапанный в прошлый раз рисунок — лягушка в пиджаке, уже почти стёртая дождями. Томми провёл пальцем по контуру, улыбнулся чему-то своему и ловко, несмотря на всё ещё ноющий бок, перелез через забор.

Лизи сидела под старой яблоней. Томми узнал это место сразу — здесь они сидели в самый первый раз, когда он перелез через забор и нашёл её плачущей. Сегодня она не плакала. Вернее, уже не плакала. Глаза были красные, опухшие, на щеках разводы от слёз, но сейчас она просто сидела, обхватив колени, и смотрела в одну точку перед собой.

— Эй, — тихо позвал Томми, боясь спугнуть.

Лизи вздрогнула, подняла голову и... улыбнулась. Сквозь слёзы, сквозь усталость, сквозь всё на свете — улыбнулась.

— Томми, — выдохнула она. — Ты пришёл.

— А то, — он подошёл и плюхнулся рядом в траву, даже не спросив разрешения. — Я всегда прихожу. Ну, почти всегда. Держи.

Он высыпал ей в подол черешню. Красные ягоды покати-

лись по тёмной ткани, и Лизи невольно рассмеялась — тихо, удивлённо.

— Ты где взял?

— Собрал, — важно сказал Томми. — На дереве. Очень высоком. Пришлось лезть почти до неба. Чуть не упал три раза, но для тебя, Лизи, я готов на подвиги.

— Врёшь ведь, — она улыбнулась уже шире. — Стащил у кого-то.

— Художественное преувеличение, — поправил Томми. — Артистам разрешается. Ешь давай.

Она взяла ягоду, осторожно, будто боялась, что она исчезнет, и надкусила. Сок брызнул на подбородок, и Томми засмеялся:

— Красиво ешь, аристократка. Вся в соке, как маленькая.

— Сам ты маленький, — фыркнула Лизи, но засмеялась тоже.

Они сидели под яблоней, ели черешню и болтали. Томми рассказывал про школу, про то, как он сегодня снова довёл мисс Прингл до красного лица, про новую учительницу, мисс Хейл, которая оказалась... странной. Хорошей, но странной.

— Она меня искала, — сказал Томми, жуя ягоду. — Всю неделю, пока меня не было. По ночлежкам ходила, представляешь? У всех про меня спрашивала. Даже к тебе приходила, говоришь?

Лизи кивнула, выплёвывая косточку в траву.

— Приходила. Мокрая вся, замёрзшая. Спрашивала, где

ты. Я сказала, что не знаю.

— И правильно, — Томми откинулся на траву, глядя в небо. — Никто не знает. Только ты и я. И Гертруда.

— Кто?

— Гертруда. Лягушка моя. Верный друг и соратник. Помогает мне уроки срывать и мисс Прингл доводить до сердечных приступов. Хочешь, познакомлю?

Лизи скривилась:

— Фу, лягушки. Они мокрые и противные.

— Во-первых, не мокрые, а влажные. Во-вторых, не противные, а сколькие. В-третьих, — Томми сел и посмотрел на неё очень серьёзно, — Гертруда — самая умная лягушка в мире. Она понимает всё, что я говорю. Правда. Я ей про тебя рассказывал.

— Про меня? — Лизи покраснела. — Зачем?

— А что, нельзя? Говорил, что есть такая девочка Лизи, которая грустит под яблоней, и её надо веселить. Гертруда сказала, что я должен приносить тебе яблоки и черешню. И вообще быть хорошим.

— Лягушки не разговаривают.

— Моя — разговаривает. Только на своём, на лягушачьем. Квакает, а я понимаю. Талант у меня такой.

Лизи засмеялась. Настоящим, звонким смехом, от которого у Томми внутри становилось тепло и спокойно.

— Ты выдумщик, Томми Нортон.

— Артист, — поправил он. — Артист, а не выдумщик.

Это разные профессии. Артисты — почётные, а выдумщиков в тюрьму сажают.

— За что?

— За то, что выдумывают лишнее. Вот, например, если я выдумаю, что я король, меня посадят. А если я выдумаю, что я артист и покажу фокус, мне ещё и заплатят. Понимаешь разницу?

— Не очень, — честно призналась Лизи.

— И не надо, — махнул рукой Томми. — Главное, что тебе весело.

И правда, весело было. Они болтали обо всём и ни о чём, Томми показывал фокусы с камешками, которые находил в траве, рассказывал небылицы про свои приключения, а Лизи слушала, раскрыв рот, и смеялась, смеялась, смеялась.

— А давай в прятки? — предложил Томми, когда черешня закончилась. — У вас тут сад большой, есть где спрятаться.

— Мама увидит, — испугалась Лизи.

— Не увидит. Она же в доме? Вот и хорошо. Мы тихо. Я считаю до двадцати, ты прячешься. Пошли!

Он вскочил и закрыл глаза ладонями, громко начиная считать. Лизи, хихикая, побежала вглубь сада, спряталась за старым кустом смородины и замерла, прижав палец к губам, хотя её никто не видел.

— Двадцать! — крикнул Томми. — Иду искать! И не вздумай вылезать, я тебя всё равно найду, я лучший искатель

в городе!

Он ходил по саду, заглядывал под каждый куст, шуршал травой, делал вид, что не замечает её, хотя давно уже увидел край юбки. Но тянул время, чтобы ей было веселее.

— Где же Лизи? — бормотал он. — Может, она улетела? Может, её птицы украли? Или она превратилась в бабочку и сидит на цветочке?

Лизи фыркнула, пытаясь сдержать смех. Не получилось. Томми резко обернулся и бросился к кусту.

— Ага, попалась! — заорал он, вытаскивая её из укрытия. — Прятаться надо лучше, мисс невидимка!

Она визжала и вырывалась, но он держал крепко, и оба смеялись так громко, что даже птицы с веток попадали.

— Пусти! — кричала Лизи сквозь смех. — Пусти, хулиган!

— Не пущу, пока не скажешь, что я лучший искатель в мире!

— Ни за что!

— Тогда будешь моей пленницей до конца жизни!

— А мама?

— Маму тоже в плен возьмём. Будет нам суп варить.

Она засмеялась так, что согнулась пополам, и Томми наконец отпустил её. Они оба повалились в траву, тяжело дыша, глядя в небо, которое уже начало розоветь.

— Хорошо с тобой, — сказала Лизи тихо. — Совсем не хочется грустить.

— А ты не грусти, — Томми повернул голову к ней. — Я же прихожу. Всегда буду приходить. Даже если меня долго нет, я всё равно вернусь. Обещаю.

Лизи улыбнулась и повернулась к нему. И вдруг улыбка её погасла.

— Томми, — сказала она тихо. — А что у тебя под глазом? Он дёрнулся и быстро отвернулся.

— Где? Ничего. Тень упала.

— Не ври. Я видела, когда ты в траву лёг. У тебя синяк. И на скуле царапина.

— Упал, — буркнул он. — Я часто падаю.

— Томми.

Она села и взяла его за подбородок, поворачивая к себе. Он не сопротивлялся, только смотрел куда-то в сторону, в траву.

— Кто тебя? — спросила она. Голос её дрожал.

— Никто. Само.

— Не ври.

— Лизи, не надо.

— Кто?! — в голосе её появились слёзы. Не те, которые от грусти, а другие, от злости и страха за него. — Томми, кто тебя так?

Он молчал. Долго молчал. А потом выдохнул:

— Ози. С друзьями. У озера. На той неделе.

Лизи замерла. Потом лицо её исказилось.

— Озирад Вэнс? Эта мразь? — она никогда не ругалась

при Томми, но сейчас слово вырвалось само. — За что?

— Просто так, — Томми пожал плечами, пытаясь сделать вид, что это ерунда. — Ему нравится. Он же важный, а я никто. Можно бить.

— Нельзя! — Лизи вскочила. Глаза её горели. — Нельзя бить никого! Я... я скажу маме! Я скажу его отцу! Я...

— Лизи, — Томми поймал её за руку и потянул вниз. Она села обратно, но вся дрожала. — Не надо. Ничего не надо. Я сам разберусь.

— Как? Он же больше тебя, и дружки у него, и...

— Я артист, — улыбнулся Томми своей привычной широкой улыбкой. — Артисты всегда выкручиваются. Мы гибкие.

— Не шути! — она стукнула его кулачком по плечу. — Ты... ты не смей так больше. Не смей к ним лезть.

— Я и не лезу, — он поймал её кулачок и сжал в ладони. — Они сами лезут. Но ничего. Я справлюсь. Я всегда справляюсь.

Она смотрела на него, и слёзы катились по щекам. Но это были не те слёзы, что утром. Другие. За него.

— Ты только приходи, — сказала она шёпотом. — Ладно? Всегда приходи. Даже если в синяках. Даже если больно. Только приходи. Я буду ждать.

— Приду, — пообещал Томми. — Обязательно приду. Я же обещал.

Он достал из кармана засохший цветок, который носил с

собой неизвестно зачем, и торжественно вручил ей.

— Вот. Подарок. Не черешня, конечно, но тоже красиво.

Лизи взяла цветок, посмотрела на него и вдруг улыбнулась сквозь слёзы.

— Ты дурак, Томми Нортон.

— Знаю, — кивнул он. — Самый главный дурак на этой улице. Должность наследственная.

И они сидели в траве под старой яблоней, пока солнце не село совсем, и на небе не зажглись первые звёзды. И Лизи больше не плакала. Потому что рядом был Томми. А с ним ничего не страшно. Даже если он в синяках. Даже если завтра опять будет больно. Главное — что он есть. И что он пришёл.

Глава 10. Союзник

Элизабет уже третью неделю работала в школе Святого Бенедикта, но чувствовала себя здесь чужой. Коллеги косились на её бедную одежду, директор Грейвз каждый раз при встрече окидывал её липким взглядом, от которого хотелось вымыться, а дети... дети делились на тех, у кого есть деньги, и тех, у кого их нет. И она всё никак не могла привыкнуть к этой жестокой границе.

Томми Нортон был где-то посередине. Вернее, он был везде и нигде. После того разговора у калитки он исправно появлялся в школе, срывал уроки, доводил учителей, смешил ребят и каждый раз ускользал от Элизабет. Она пыталась поймать его после занятий, но он исчезал быстрее, чем утренний туман.

А вчера она наконец поймала. Буквально за шкуру, у выхода со школьного двора.

— Томми, подожди! Нам надо поговорить!

— О, мисс Хейл! — он развернулся с улыбкой во все зубы. — Я как раз собирался вас искать! У меня для вас сюрприз: Гертруда родила малышей! Целых пять штук! Хотите, принесу показать?

— Я хочу поговорить про учёбу, — твёрдо сказала Элизабет, не отпуская его рукава. — Ты обещал подумать.

Улыбка на лице Томми дрогнула, но не исчезла.

— Я подумал.

— И?

— И решил, что не надо. Спасибо, конечно, большое, вы хорошая, правда, но не надо.

— Почему? — Элизабет смотрела ему в глаза, пытаясь найти там ответ. — Томми, это бесплатно. Тебе ничего не нужно делать. Просто приходить и учиться. Час в день. Или два. Когда хочешь.

— Не могу, — он отдёргнул руку и отступил на шаг. — Дела, мисс Хейл. У меня дела.

— Какие дела? Ты же ребёнок.

— Я артист, — поправил он. — А артисты должны репетировать. Выступать. Искать вдохновение. Учёба убивает вдохновение. Это науке известно.

Элизабет вздохнула. Она понимала, что спорить бесполезно. Томми Нортона был крепче любого орешка, и раскусить его можно было только одним способом — терпением.

— Хорошо, — сказала она. — Я не буду тебя заставлять. Но знай: предложение остаётся в силе. Всегда.

Он кивнул, улыбнулся и исчез за углом быстрее, чем она успела моргнуть.

А Элизабет осталась стоять посреди улицы, чувствуя, как внутри разрастается глухое раздражение — не на Томми, на себя. Она не умела находить подход к таким детям. В деревне, где она выросла, всё было проще: все друг друга знали, все помогали, и если ребёнок не хотел учиться, его просто

ставили в угол или давали ремня. Но Томми был не из тех, кого можно поставить в угол. Он был из тех, кто просто уйдёт и никогда не вернётся.

И тогда Элизабет вспомнила про Лизи.

Она нашла нужный дом без труда — тот самый, с забором, на котором кто-то нацарапал лягушку в пиджаке. Элизабет постояла минутку, разглядывая рисунок, потом постучала в калитку.

Открыла ей сама Лизи. Девочка выглядела удивлённой, но не испуганной.

— Мисс Хейл? — она оглянулась на дом, будто проверяя, не видит ли кто. — Вы опять? Томми нет. Честно. Я его не видела сегодня.

— Я не за Томми, — улыбнулась Элизабет. — Вернее, за ним, но не так. Лизи, можно мне войти? Мне нужно поговорить с тобой.

Лизи колебалась секунду, потом кивнула и открыла калитку. Они прошли в сад, к той самой яблоне, где, как догадалась Элизабет, обычно сидели дети. Трава была примята, валялось несколько черешневых косточек.

— Я слушаю, — сказала Лизи, садясь в траву и жестом приглашая Элизабет последовать её примеру.

Элизабет присела рядом, подобрав юбку.

— Лизи, Томми не хочет со мной заниматься. Говорит, что дела, что он артист, что учёба убивает вдохновение. Но я знаю, что это неправда. Он просто боится.

— Чего? — удивилась Лизи.

— Не знаю. Может, боится, что у него не получится. Может, боится привыкнуть к кому-то, кто хочет помочь. Может, просто не верит, что это всё всерьёз. Но я не могу до него достучаться.

Лизи задумалась, теребя в пальцах травинку.

— Он правда боится? Томми? Он же ничего не боится.

— Боится, — твёрдо сказала Элизабет. — Все боятся. Просто он умеет это прятать. За улыбкой. За шутками. За этим своим дурацким пиджаком.

Лизи посмотрела на дом, потом на Элизабет, и в глазах её мелькнуло понимание.

— Вы хотите, чтобы я с ним поговорила?

— Я хочу, чтобы вы занимались вместе, — сказала Элизабет. — Если ты придёшь, может, он тоже согласится. Ему будет не так страшно, если рядом будет друг. А ты... ты хочешь учиться?

Лизи моргнула.

— Я... я не знаю. Меня мама иногда учит читать. Но у неё мало времени. А в школе... в школе нам с такими, как я, не очень рады.

— Я буду рада, — просто сказала Элизабет. — И Томми будет рад. Если согласится. Лизи, это бесплатно. Для вас обоих. Я просто хочу помочь.

Лизи смотрела на неё долго, очень долго. Потом открыла рот, чтобы что-то сказать, но не успела.

— Лизи!

Голос раздался со стороны дома — низкий, чёткий, с неприятными металлическими нотками. Элизабет обернулась и увидела мужчину, который стоял на крыльце и смотрел на них с высоты своего немалого роста.

Он был одет с иголочки: тёмный сюртук, накрахмаленный воротничок, трость с серебряным набалдашником. Лицо — холёное, надменное, с тонкими губами и холодными глазами. Типичный аристократ, каких Элизабет видела только издалека, в городе.

— Папа, — Лизи вскочила, и в голосе её появились испуганные нотки. — Это... это мисс Хейл. Она учительница из школы.

Филип — а это явно был он — неторопливо спустился с крыльца и подошёл к ним. Вблизи он оказался ещё более внушительным: высокий, сухой, с брезгливым выражением лица, которое, казалось, въелось в кожу навсегда.

— Учительница? — переспросил он, оглядывая Элизабет с головы до ног. Взгляд его задержался на её выцветшем платье, стоптанных башмаках, дешёвом платке. — Из школы Святого Бенедикта? Хм.

— Здравствуйте, — Элизабет встала и присела в лёгком реверансе, как учили в деревне для важных господ. — Меня зовут Элизабет Хейл. Я прошу прощения, что пришла без приглашения. Я хотела поговорить с вашей дочерью.

— О чём? — тон Филипа не изменился, оставаясь ледя-

НЫМ.

— Об учёбе. Я предлагаю бесплатные занятия для детей, у которых нет возможности... — она запнулась, подбирая слова, — ...которые не могут позволить себе репетиторов.

Филип поднял бровь. Одна. Это выглядело одновременно смешно и угрожающе.

— Бесплатные? — переспросил он. — В наше время ничего не бывает бесплатно, мисс Хейл. За всем стоит какая-то выгода.

— Моя выгода — видеть, как дети учатся, — ответила Элизабет, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Я из бедной семьи. Я знаю, как трудно получить образование, когда у тебя нет денег. И если я могу помочь — я помогу. Без всякой выгоды.

Филип смотрел на неё долго, изучающе. Потом перевёл взгляд на Лизи, которая стояла, замерев, сжимая в руках травинку.

— Ты хочешь учиться? — спросил он у дочери.

Голос его смягчился. Совсем чуть-чуть, но Элизабет уловила это.

Лизи сглотнула.

— Да, папа.

— С этой... мисс Хейл?

— Да.

Филип снова посмотрел на Элизабет. Теперь в его взгляде не было безразличия. Было что-то другое. Оценка. При-

кидка.

— Моя жена, — сказал он медленно, — считает, что дочери достаточно уметь вести хозяйство и нравиться мужчинам. Я же всегда полагал, что женщина должна быть образованна. Не для того, чтобы работать, конечно, — он усмехнулся, — а для того, чтобы поддерживать разговор в приличном обществе.

Он сделал паузу.

— Но репетиторы стоят денег. А моя жена... экономит.

Последнее слово он произнёс с такой интонацией, что Элизабет поняла: в этом доме не всё гладко. Очень не всё гладко.

— Поэтому, мисс Хейл, — Филип вдруг улыбнулся. Улыбка у него была неожиданно тёплой, совсем не вязавшейся с надменным лицом. — Я буду вам чрезвычайно благодарен, если вы возьмёте мою дочь в ученицы. На ваших условиях. Бесплатно. Но если когда-нибудь вам понадобится помощь — любая помощь, — вы можете обратиться ко мне. Договорились?

Элизабет растерялась от такой перемены.

— Я... да, конечно. Спасибо, мистер...

— Филип, — перебил он. — Просто Филип. Для друзей. А вы, мисс Хейл, похоже, из тех, кто может стать другом. Редкое качество в этом городе.

Он протянул ей руку. Элизабет пожала её, всё ещё чувствуя лёгкое головокружение от неожиданного поворота.

— Лизи, — Филип повернулся к дочери. — Ты можешь ходить на занятия к мисс Хейл. Когда захочешь. Я скажу матери, что это моё решение. Пусть попробует поспорить.

В глазах Лизи зажглись такие огоньки, что, кажется, можно было освещать ими тёмные улицы.

— Спасибо, папа! — она бросилась к нему и обняла. Филип на мгновение замер, потом неуклюже, будто не привык к таким проявлениям чувств, погладил её по голове.

— Ну будет, будет. Иди, собирайся, если хочешь. А я провожу мисс Хейл до калитки.

Он взял Элизабет под локоть и повёл к выходу. Когда они отошли на достаточное расстояние, чтобы Лизи не слышала, он остановился.

— Мисс Хейл, — сказал он тихо. — Я знаю, что вы думаете обо мне. Надменный аристократ, который смотрит на всех свысока. Возможно, вы правы. Но я люблю свою дочь. И я вижу, как ей здесь... несладко.

Он помолчал.

— Этот рыжий мальчишка, Томми. Он приходит к ней. Я знаю. Жена ругается, говорит, что он вор и оборванец. Но Лизи... она улыбается, когда он рядом. Она вообще стала чаще улыбаться с тех пор, как он появился. Поэтому я закрываю глаза. Пусть приходит. Пусть дружат.

— Он хороший, — тихо сказала Элизабет. — Просто ему никто никогда не помогал.

— Помогите, — Филип посмотрел ей в глаза. — И ему,

и Лизи. А если понадобится помощь — вы знаете, где меня найти. Я умею быть благодарным.

Он кивнул, развернулся и ушёл в дом, оставив Элизабет стоять у калитки с открытым ртом.

Она шла обратно в свою каморку и думала о том, как странно устроен мир. Надменный аристократ оказался любящим отцом, бродячий мальчишка — верным другом, а бесплатная учёба вдруг стала возможной. И если теперь уговорить Томми...

Она улыбнулась. Теперь у неё был союзник. Лизи. А с Лизи, кажется, можно горы свернуть. Даже если эти горы называются Томми Нортон.

Глава 11. Приглашение

Утро встретило Томми привычным холодом и урчащим животом. Он спал сегодня в старом сарае на окраине, прижавшись к боку Гертруды для тепла — лягушка, правда, была холоднокровной, но Томми это не смущало. Главное, живая душа рядом.

В школе он появился ко второму уроку, как раз к физкультуре. И надо же было такому случит

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.